

Вера МЕРКУРЬЕВА

ПИСЬМА И СТИХИ

Из неопубликованного

Публикация, вступление, комментарии Татьяны Нешумовой

Вера Александровна Меркурьева (1876–1943) – большой (но все еще потаенный для многих) поэт, открытый для современного читателя Михаилом Леоновичем Гаспаровым. Ее жизни и стихам он посвятил не одну статью. В 2007 году в издательстве «Водолей» вышло собрание ее стихотворений «Тщета», подготовленное Владиславом Резвым¹.

За последние годы в печати появились еще некоторые материалы, связанные с Меркурьевой: ее шуточные стихотворения на случай и воспоминания о ней². Настоящая публикация состоит из двух частей: эпистолярной, которая освещает последние и предпоследние страницы жизни поэтессы, и поэтической, в которой большинство стихотворений шуточно-бытового характера, созданных в относительно счастливые мирные времена (кроме последнего, впитавшего горький опыт военных переживаний). Все эти документы сохранились в домашнем архиве гимназической подруги Меркурьевой Евгении Яковлевны Рабинович³ и любезно предоставлены ее наследниками. Благодарю Вл. Резвого и И. Ахметьева за помощь в подготовке этой публикации.

Вера Меркурьева – Гене Рабинович

1.

[Не датировано]

Геня, мне ничего, слабость верно в результате бестемпературья. Дай знать о костюме. Приходи в выходной купаться.

«Заметано».

Целую. Вера

2⁴.

Старки⁵
29. VII. 40.

¹ Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.–СПб., 1994. С. 5–97 (далее: Лица). См. также электронную публикацию книги: https://imwerden.de/pdf/litsa_biografichesky_almanakh_tom05_1994_ocr.pdf; Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева: техника стилизации // Presenze femminili nella letteratura russa. Padova, 2000. P. 62–72. Обе работы воспроизведены в книге: Меркурьева В.А. Тщета. Собрание стихотворений. Сост. и примеч. В.А. Резвого, вступ. ст. М.Л. Гаспарова. М., 2007 (далее: Тщета).

² Меркурьева В.А. «Умейте жить минуткой». Подг. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 24 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/24/merkurjeva24.shtml>); Архиппов. Е.Я. Книга о Вере Меркурьевой // Архиппов Е.Я. «Рассыпанный стеклярус». Подг. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой. М., 2016. Т. 1. С. 208–229 (далее: Архиппов).

³ Меркурьева писала: Рабинович, а в стихах называла «Друженька-сухарик» (Тщета, с. 466). «Рукописи Меркурьевой были сданы в РГАЛИ в 1961 С.В. Шервинским и Е.Я. Рабинович» (Лица. С. 5).

⁴ Почтовая карточка. Москва, Зубовский бульв., д. 6, кв. 19. Евгении Яковлевне Рабинович. Ст. Пески-Коломенские Ленинградск. ж.д. Село Черкизово, погост Старки, д. Корнеевой. Штемпель получения 30.07.40.

⁵ Меркурьева и Кочетковы с 1935 г. вплоть до войны снимали на лето дом на погосте Старки у станции Пески Казанской железной дороги, около деревни Черкизово, где жила семья С.В. Шервинского. Подробнее см.: Петросов К.Г. Литературные Старки (поэты «черкизовского круга» и Анна Ахматова). М., 1991; Архиппов. Т. 2. С. 516.

Геничка, дорогая, вчера пришла твоя открытка от 22-го – шла 7 дней! Думаю, что и моя к тебе на дачу шла столько же, и что ты ее теперь получила и знаешь, что я помню! Я отдышиваюсь, дожди и прохлада – хорошо, но тревог много с болезнями: у Инны Григорьевны⁶ что-то с почками, она едет в Москву к докторам, пробудет числа до 1-2-го. Александр Сергеевич собрался в Кисловодск на месяц⁷. Может, ты приедешь на его место? Приезжай, голубчик, поживем вместе тихонько, повидаемся перед зимой. С собой захвати только теплое что-нибудь: кофточку на вате, вечерами и утром свежо, лето, похоже, кончилось. Очень хочу тебя видеть. Целую тебя и всех. Соскучилась.

3.

Старки
6. VIII⁸.40 г.

Генюра, получила ли ты мои 2 открытки – одну в Тупиково (первую), другую в Москву. У меня была от тебя одна. Где ты? У нас немножко раз'ясняется. Инета⁹ была всерьез больна – воспаление почечных лоханок, лежала тут первые 2 недели, потом ездила в Москву к докторам на 4 дня, вернулась с проверенным диагнозом и лекарствами. Сейчас ей определенно лучше, она выходят, гуляет, температуры нет, боли почти перестали.

Александр Сергеевич уехал в Кисловодск, сегодня была оттуда телеграмма о приезде. Надеется подлечиться там до 1-х чисел сентября. Его комнатка свободна – ждет обитателей. Хорошо, если б дождалась тебя. Мы с Инетой очень этого хотим. Никому дороги не перейдешь: Марина Цветаева не может приехать¹⁰, Катя¹¹ уехала во Владикавказ до 1.IX, остается Юрий Дмитриевич¹² и случайные – они всегда разместятся. Здесь – ты знаешь что: река, лес вдали, кошки тоже вдали. Еда – достаточная, хлеб возят из Коломны каждый день, молоко, яйца, картофель, огурцы, кабачки. Масло – возят из Москвы приезжающие! Сахар держится еще наш. Вообще с собой захвати немного масла, сахару, чаю (все сие необязательно, это чтобы ты не сомневалась), пару простыней (подушки, одеяла есть) и, если поймашь, папиросы для меня: «Спорт» или любые не дороже рубля. Дороже – не могу курить из-за крепости, кашляю.

Если прихватишь Чернушкина или его маму – никого не смутит, ибо тут уже 6 кошек, не считая приходящих – одной больше «какая вам разница»?! Погода, кажется, устанавливается к теплу, все реже дожди, вообще тут сухо и воздух, единственное – чист (*так!* – **Т.Н.**). У нас много тише прежних лет. Из-за трудности поездок мы с Инетой лежим, читаем, пишем. Скучно и успокоительно. Пожалуй, ты здесь отдохнешь лучше, чем в Тупике. До 16-го здесь Пава¹³, приходит и уходит. Здесь она спокойная и милая.

Я приболела животом – разные неосторожности и соблазны. Было мерзко, теперь отпустило. Понемногу скребу карандашом, лежа. Замучилась в Москве перед отъездом так, что и посейчас еще не осознала отдыха. На реке была только раз, вернулась задыхаясь. Трудно далась мне прошлая зима.

Хочу видеть тебя здесь, пожить с тобой, а не переписываться. Зимой мы друг друга видим сквозь болезнь и усталость. Давай посмотрим здесь сквозь досуг и отдых. Если

⁶ *Прозрителева Инна Григорьевна* (1891/1892 – 1957) – жена А.С. Кочеткова. См. о ней в воспоминаниях Л.В. Горнунга о Кочеткове (Горнунг Л.В. «Свидетель терпеливый...» Дневники, мемуары. Сост., коммент, подгот. текста Т.Ф. Нешумовой. М., 2019. По ук.).

⁷ *Кочетков Александр Сергеевич* (1900–1953) – поэт и переводчик. В Кисловодске жили родители его жены.

⁸ В оригинале описка: VII.

⁹ *Прозрителева*.

¹⁰ Меркурьева познакомилась с Цветаевой весной 1918 г. Сохранилось четыре письма Цветаевой к Меркурьевой 1940 г. Подробнее см.: Лица. С. 87; Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 т. Т. 7. М., 1995. С. 685–692.

¹¹ *Юрченко Екатерина Андреевна* (? – 1966?) – знакомая В.А. Меркурьевой и ученица Е.Я. Архиппова, адресат их стихотворений. Переехала из Орджоникидзе в Москву в 1935 г., работала в Институте истории АН СССР. См. ее письмо 1942 г. к Архиппову о Меркурьевой (Лица. С. 95-96).

¹² Возможно, поэт *Юрий Дмитриевич Цертелев*, знакомый С.В. Шервинского.

¹³ Неустановленное лицо. Далее, если имя не комментируется, значит, сведениями о нем мы не располагаем.

телеграфируешь *накануне* приезда поезда – вышлем мальчика донести вещи. Телеграммы безотказно доходят в тот же день! До свиданья, Геня, милая, приезжай, пожалуйста, комната славная, совсем тихая и чистенькая, *без* мух, жизнь – без Александра Сергеевича¹⁴ тоже мирная. Целую тебя, отвечай и приезжай.

Вера.

А что Лена¹⁵ с отпуском? Как все они? Никто не написал.

Если найдешь (на Никольской или в диетических «Ессентуки» №20 (или 18) – захвати 1 бутылку. Но не разыскивай очень, это на всякий случай). Лучший поезд сюда из Москвы: 3.30 дня, с ним меньше наплыв, и он прямой, сюда приходит в 6.10, тоже нежарко и светло идти. К утреннему, в 6 часов, трудно попасть, и, говорят, с ним много народу не попавших на ночной поезд и служащих в службы. А с этим для служащих рано, а для молочниц поздно, и он свободный, но приехать на вокзал надо все же часа за полтора или взять билет раньше. Да, захвати паспорт, для билета обратно в Москву!

<На полях:>

Инна Григорьевна и Пава тебя усиленно зовут.

Костя (сын Варв. Тр.) поправляется (у него была операция язвы кишки), но еще в больнице. Была большая тревога, но, видимо, обошлось.

Вера.

4¹⁶.

Старки
8. VIII. 40.

Геня, милая, собирайся к нам, хорошо дышится здесь. Преодолей посадку (поезд 3 ч. 32 м. дня – надо прийти *за 2 часа*). Зато здесь отдохнешь. Не привози Ессентуков – достали множество. Привези масло сливочное, сколько сможешь, не загружаясь, и папиросы Спорт или любые за 1 р.

Не нужны ли тебе твои старые туфли? – у меня под кроватью, в деревянном ящике, в компании с другими того же типа опорок! Но для дачи подходят. Если захочешь взять – ключи у Марьи Павловны¹⁷. Только смотри, чтоб не заскочила и не осталась запертой какая-либо бродячая коридорная кошка, их там много, и они рвутся, по старой памяти, ко мне. Это мой кошмар. Дорогая, приедь – очень ждем тебя. Целую. Вера.

5¹⁸.

Старки
23. IX. 40.

Что же ты замоталась, Геничка? недели 2 ничего от тебя. Получила ли ты мои письмо и открытку? Хотела выезжать, но решила остаться еще на неделю – по многим соображениям. Перееду, как обычно, в первых числах октября. Здесь еще не холодно – хотя как сказать! Зелень, чисто, тихо. Боюсь тебя звать – усталости и погоды боюсь. Переменчиво очень все. А видеть хочется – соскучилась без тебя. Целую, дорогая, теперь уже скоро приедешь на Арбат. Напиши еще раз сюда. Вера.

¹⁴ Кочеткова.

¹⁵ Рабинович, сестра Гени.

¹⁶ Почтовая карточка. Штемпель получения 10.08.40.

¹⁷ Соседка Меркурьевой по арбатскому дому. Ср. «Ключи надо взять у какой-то Марьи Павловны Коноровой в № 96 (того же 4-го этажа)» (Архиппов. Т. 2. С. 546).

¹⁸ Почтовая карточка. Москва, Zubовский бульв., д. 6, кв. 19. Евгении Яковлевне Рабинович. [Без обратного адреса] Штемпель получения 24.09.40.

Должно быть, 29-го состоится чтение «пьесы» – должна бы кончиться – но кто же ее знает!¹⁹ Поцелуй наших. Тебе привет от Зайцев²⁰. Вчера были Нонна с Джемалэддином²¹. Пощебетали и умчались.

6²².

Арбат
4. X. 40.

Геничка, приехала, жду тебя. Целую.
Вера.
Скоренько?

7²³.

Старки
5. VIII. 41

Дорогая,
Елена Ивановна²⁴ не поехала вчера в Москву, как собиралась, и побудет еще несколько дней здесь, а телефон у нее выключили, так что эта линия связи с тобой отпала. Остаются открытки. Пиши хотя бы раз в неделю, чтобы я знала о твоей сохранности. Ничего – уже больше месяца – не знаю о Кате²⁵. Если что знаешь – сообщи. На запросы (Б. Пироговская, д. 7, кв. 1) не отвечает. Письма с опозданием доходят сюда. Только мне никто не пишет. Если б ты приехала! Поезда – через Раменское – свободные и удобные. Целую тебя, напиши же!

Вера.

Инета, Елена Ивановна шлют тебе поклоны и призывы. Неужели не приедешь хоть на сутки? Спокойна ли ты за сестер?

Черновики телеграмм времени сборов в эвакуацию:

Деевой

Мое членство группкоме несовместимо иждивенчеством родство не установлено
ехать Кочетковым нельзя

Дееву

Необходимо включение в группу или вызов если невозможно хлопчите
распоряжение содействия моему отъезду совместно писателями

8²⁶.

За Каширой
30. X. 41 г.

¹⁹ Вероятно, речь идет о стихотворной сказке Меркурьевой «12 месяцев», о которой см. ниже подробное письмо.

²⁰ Прозвище четы Кочетковых.

²¹ Возможно, тут контаминация в игровом духе Меркурьевой: неизвестного нам мужчину звали Джемал, а она скрестила его с персидским поэтом-суфием XIII века Джалаладдином Руми.

²² Почтовая карточка.

²³ Почтовая карточка. Штемпель получения 6.8.41.

²⁴ Деева Елена Ивановна, знакомая Меркурьевой. Упоминаемый ниже ее муж, возможно, Деев Аркадий Дмитриевич (1898–1981) – литературовед.

²⁵ Юрченко.

²⁶ Почтовая карточка. Москва. Скатертный пер. Д. 20, кв. 2. Елене Яковлевне Робинovich для Гени.

Штемпель отправления: 7.11.41, Треполье (ж.д. станция в Рязанской области). Штемпель получения: Москва, 16.11.41

По предупреждению за полчаса выбрались на вокзал в полном разгроме. Посадка была трудна – не давали вагона, 8 часов сидели на улице. Дали жесткий, но отапливаемый. Еду полумертвой, все дико. Спокойно, не обстреливают совсем, едешь, как в старину, перед глазами вы и только вы, неотступно. Узнавай о нас от Нины Павл. (К-О-70-22). Ничего не могу сказать, ничего – подумать, боль непереносимая все время за тебя, за вас. Напиши до востребования. Твоя Вера.

9.

Ташкент
Учительская, д. 26, кв. Аракчеева
5. XII.41 г.

Кто где из вас, милая?

Гене адресовать бесполезно. Пишу на всякий случай сюда²⁷. Уехали, остались? Писала с дороги открытки и письма, дошли ли? Ехали трудно и долго, почти 25 дней. Купить по дороге ничего нельзя было, а с собой запасов хватило на 5 дней, но эшелону дали сухой паек: хлеб и по банке консервов растительных на человека. Также по 200 гр. масла сливочного, сахару и немного чаю. Это дало возможность доехать. Это исключение – для академиков, ехавших в том же поезде и писателей. А вообще надо брать с собой все что есть. В дороге варили картофель, кашу в печке вагонного отопления. Даже кипятку на станциях не всегда доставали. Я лежала 2 недели с воспалением легких – гриппозное, ползучее, один фокус сменялся другим, все время температура. Выжила – тяну. Тяжело очень, горько жалею, что уехала. Здесь для меня бессмысленно и горько до последнего. Хоть бы найти вас, списаться. Не знаю, кто жив, пишу всем: Зинаиде Ник. (Арбат, кв.101)²⁸, Кате Юрченко (Б. Пироговская, д. 7, кв. 1), Пясецкой (Арбат, кв. 80), ни от кого нет ответа. Жутко очень. Целую вас 4-х – если вы там.

Вера.

Умоляю протелеграфировать сюда. Телеграммы доходят через неделю, письма идут месяц. Здесь трудно с пропиской. Ташкент не принимает, отправляет в Самарканд. Кочетковы добились через союз <писателей>.

10.

Ташкент
Учительская, д. 26, кв. 1
23. XII. 41 г.

Геня, вот откуда пришлось писать тебе – непонятно все. Послала тебе с дороги и отсюда несколько открыток и письмо – не знаю, дошли ли, все на адрес Лены, так как перед отъездом <слышала>, что твой район освобождается. Ни от кого из вас здесь ничего не нашла (до востребования). Сюда приехала неделю назад Катя Юрченко, эвакуированная с Академией, она ничего о тебе не знает.

Мы здесь уже месяц, нашли комнату, с трудом прописались (Ташкент не принимает, направляет всех приезжих в Самарканд), живем втроем, Кочетковы и я. Здесь как будто хорошо, т.е. тепло, тихо, славные люди кругом. Но дорого все невероятно, с работой у Ал. С. трудно, так что перебиваемся кое-как, в сущности, впроголодь. Надо быть на госснабжении (как учреждения) или иметь очень большие средства. Стоимость всего примерно вдвое, а то и вчетверо против московских государственных цен. Хлеб хороший, по карточкам, больше, кроме сахару, ничего не дают. Нет абсолютно мыла, спичек и соли. Это все пишу на случай, <если> задумаете переезжать сюда. Комнату найти можно за 150-200 руб. в месяц, при условии прописки, которую дают только

²⁷ Письмо без конверта, так что можно только предполагать, что оно адресовано Елене Яковлевне Рабинович.

²⁸ Очевидно, соседка по московскому дому.

эвакуированным сюда учреждениям. Говорят, в маленьких окрестных городках – Чимкенте, Намангане, даже Фергане, лучше, дешевле и легче устроиться, но работу там найти невозможно, да ее и здесь нет.

Мне тяжело исключительно, жалею страшно, что уехала. Как бы ни было трудно и страшно в Москве, но там свой угол, привычные условия и свой круг. А здесь – угол за ширмой, нарушение *всех* привычек, вечная напряженность и давление – не у себя, мешаешь, чувство быть инородным телом. Климат не имеет значения – я же все равно не могу ходить. Болела сильно (воспаление легких) в дороге, здесь желудочным, от перемены воды и пищи. Поэтому не то что ходить, но и ползать не могу. Настроение тяжелое, поднимается только когда хорошие сводки с фронта. Если смогу вернуться, увидимся, если нет – я не выживу здесь. Это не для меня.

Инна Григорьевна много работает – топит печку, убирает комнату, моет пол, готовит в голландке. Не по силам ей это. Плохо чувствует себя – сердце, с легкими что и тоже слабость. Сейчас она ушла в поликлинику, видимо, немоготу стало. Александр Сергеевич тоже худ, истощен, мучается то печенью, то ногой, а сейчас у него грипп, раздражителен до невероятия. Словом, всем несладко. У меня удушье иногда ночи напролет – не сплю и другим не даю. Напиши, если получишь.

Живу только ожиданием московской жизни. Целую тебя и твоих. Вера.

24.I.42. Месяц лежало письмо – от тебя так долго не было вестей, что я думала, вы уехали. Получила твою телеграмму – рада за вас, выдержали на месте трудное время, теперь легче будет. Не то что мы – разгромленные беженцы. Комнату мою²⁹ заняли, вселили в нее двух женщин. Теперь я без угла, на всю жизнь за чьей-нибудь ширмой. Больше ничего нового. Инна Григорьевна болеет, Александр Сергеевич раздражен хронически, я задыхаюсь почти круглые сутки. Хорошо устроились.

Письмо Е. Дервиз³⁰ к В.А. Меркурьевой

3 марта 1942 г.

Дорогая Вера Александровна!

Нет, не жалейте, что переехали. В теперешнее военное время везде нелегко жить. Там у вас все же ближе к земле. Я продолжаю работать в Институте Переливания Крови. Сегодня там у нас дали свою кровь несколько англичан из английской миссии. У нас в квартире теперь есть радио. Не Александра Сергеевича ли перевод передавался недавно (Джамбула³¹)? Что он работает (А.С.)? И Вы, и А.С. должны написать об отечественной войне³². Поклон от меня Инне Григорьевне и Александру Сергеевичу.

Е. Дервиз

11.

Ташкент
Учительская, д. 26, кв. 1
5. III. 42

²⁹ «Весной 1935 Вере Александровне удастся получить комнату в Москве – на Арбате, угол Смоленской площади» (Лица. С. 78), речь именно об этой жилплощади.

³⁰ В воспоминаниях о Кочеткове Л.В. Горнунг пишет о ее дружеском участии к семье поэта в последний год его жизни (Горнунг. С. 641). В Институте переливания крови работал ее родственник, врач, профессор Георгий Валерианович Дервиз (1897–1980).

³¹ Джамбул Джабаев (1846–1945) – казахский поэт-акын. В военные годы главным переводчиком Джамбула был Марк Тарловский. Стихотворение, прозвучавшее по радио, скорее всего, «Ленинградцы, дети мои» (в переводе Тарловского).

³² Меркурьева написала венок сонетов «На подступах к Москве» (Тщета. С. 143–426). У Кочеткова есть неопубликованная драматическая сцена «Смерть Фауста» (1943), в которой Фауст и Мефистофель оказываются под Москвой во время войны.

Геничка, дорогая, получила твоё письмо – первое из Москвы, открытку не получала, а телеграмма дошла, но на ответную телеграмму не было рублей очень долго, а я рассчитывала, что ты получишь моё письмо, давно, ещё до телеграммы, написанное, но не отправляемое, потому что я не была уверена, где ты. Но я отсюда уже послала несколько открыток и писем тебе на Ленин адрес – Скатертный, 20 – все же до твоей телеграммы. Неужели не доходили? Нового за этот месяц не прибавилось, по-прежнему трудна жизнь. Чтобы прожить по ценам рынка теперь на троих надо в день 90-100 руб., а мы обходимся на 15-20, конечно, за счет количества съедаемого. А я ещё многого и есть не могу – капусты, редьки. Кофе давно – больше месяца – нет. Исхудали все, больше всех Инна Григорьевна. Она целые дни в работе и разгоне – уборка, стирка, топка печки голландки каменным углем, продажи (носильного), покупки (съедобного) – все на ней. Целые дни на ногах, а ведь она слабосильной была всегда, а теперь и говорить нечего. Изумительно, как она это выносит, не жалуясь, бодро, все время ублажая Александра Сергеевича, поддерживая меня. Такой я ее не знала и не считала способной быть такой. Ал. С. ужасен: или спазмодически работает, тогда неприкосновенен, и в комнате гробовая тишина, или не работает – тогда лежит за своей ширмой, хандрит, курит и орет дико, чуть ему что не по нраву. Больше грубости, чем у него к Инне Гр., и большего терпения, чем у нее к нему, я не видала. На меня он не кричит, но мы просто не разговариваем. Жить невесело, как видишь. Надежда только одна – прогнать немцев, и я вернусь в Москву. Благодаря Зинаиде Николаевне, комната моя, по-видимому, уцелела (в нее вселили, но временно), она внесла мою задолженность по квартире, восстановила мое положение, сохранила оставшиеся вещи, книги. Вообще, если б не она, мне некуда было бы вернуться, а сейчас есть просвет.

Катя Юрченко здесь, живет даже в нашем же дворе, но видим ее редко – поздно возвращается со службы, устает. Устроена неизмеримо лучше нас: комната почти бесплатно, столовая при службе, порядочный паек – масло, керосин, сласти, белый хлеб и проч., порядочная зарплата. Несмотря на работу, гуляет, бывает в театре, на концертах, вообще ей жаловаться не приходится, она ничего не потеряла с переездом. Но это привилегированное учреждение, писателям много хуже, если не считать, конечно, знаменитостей, Алексея Толстого и др. Здесь Ахматова, живет в общежитии писателей, но у нее комната, изредка заходит к нам, обаятельна, как никто. Кажется сном.

Моя жизнь за ширмой? – рано встаю, брожу по чужим углам в поисках чашки кипятку, чтобы смягчить удушье. Затем смотрю, как Инна Гр. работает, среди дня суп из столовой стоимостью 55 копеек – можешь судить, каков. Вечером кипяток, забеленный молоком, а иногда и не забеленный. Не всегда вареный картофель или рисовая на воде размазня, чаще нет. Хлеб черный – боюсь, ем осторожно только корочки, мякиш отдаю котенку – конечно, уже обзавелись беспризорным рыжиком. Так до вечера, ложусь в холодную и – ах какую жесткую – постель, а ночью то и дело просыпаюсь в удушье. И помочь некому и нечем. Московская жизнь кажется райской – кофе, кипяток для грелок, мягкая постель, у себя одна, никем не стесняемая и никого не стесняющая, милые соседки кругом, всегда готовые помочь, разделить беду.

Елена Ивановна живет рядом с нами, в том же дворе, у друзей Инны Гр., рвется в Москву и не может пока что попасть. Очень измучилась тут бессцельностью жизни, когда муж в одном конце (Москве), сын в другом (Ашхабаде). Обе мы горько жалуем об отъезде из Москвы. Вынудила необходимость: она за сыном помчалась, я боялась затруднить Кочетковым выезд, оставаясь, да и жить одной казалось страшным. Ну что говорить, ошибка сделана, поправить ничего нельзя, надо ждать, если подождет и смерть.

Как у тебя теперь? Ближе к весне – легче в домах, теплее, светлее – дни дольше. Только бы дела на фронте весной быстро развернулись в нашу сторону, а то все, все наши маленькие бедствия можно вытерпеть. Моя жизнь ведь не столько сама <по> себе трудна, сколько трудно выносима в 65 лет и со всеми моими недугами. Дорогая, если б ты видала

Инну Гр. – моего объема перед выездом, ты бы не боялась за Лену, Леночка много моложе, выдержит и поправится, она быстро набирает здоровье.

Целую тебя и всех твоих поочередно. Увидимся ли? У меня – от слабости, верно, – нет надежды на встречу. Будьте все здоровы, дождитесь победного конца войны и расцвета жизни после него. Напиши – хоть открытку, чтобы я знала, что ты там же и так же хотя бы, и что знаешь обо мне. Привет от недружной, но любящей четы Кочетковых.

Вера.

Здесь Усовы, Алиса неузнаваемо похудела и состарилась, а он такой же. Она просила кланяться тебе, живут хорошо, устроено, он профессорствует в вузах по языкам³³.

12.

Ташкент
Учительская, д. 26, кв. 1
25. V. <42>

Геня, милая. Давно нет от тебя ничего, да и я не пишу о тяжелом – не хочется, а легкого нет ничего. Жизнь трудная, голодная, только не холодная, а уже теперь жаркая. Последние 2 дня, впрочем, дождь, говорят, для Ташкента вещь небывалая. А когда солнце, я даже во двор не могу выйти. Что будет летом – думать боюсь, я и северного солнца не выносила. Пока в комнате (затененной) можно дышать, но спят тут все на дворе.

Все здесь поспевает на месяц, а то и на 2 раньше, но проку от этого мало, недоступные цены.

27.V.

Продолжаю через 2 дня, стоит оторваться, чтобы колесо закрутилось в другую сторону. У нас лежит больная Инна Григорьевна – желудочное началось, а продолжилось легочное, встать не может от слабости. Необходимо питание, а мы 2 месяца мяса не видели, довольствуемся чаще всего хлебом с водой (горячей, а иногда, когда негде вскипятить, и холодной), обедом из столовой (1 обед на троих), изредка вареной картошкой – по тому же принципу: побольше воды, поменьше картофеля, ничего не сделаешь: продано *все*, осталось то, что на себе, летнее, работы у Александра Сергеевича нет, пьеса его идет в 10 городах³⁴, а отчисления авторские не поступают или с такими затяжками, что сводятся к нулю. Ал. С. переживает тяжело, он не активен, найти выхода не может, поэтому в состоянии крайней депрессии, чередуемой вспышками дикого раздражения. Инна Гр. неожиданно на высоте: одна из нас не унывает, бодрится, работает весь день, убирая, стирая, моя пол,нося воду. Истощена, худа – как я, дальше некуда. Я – едва брожу и, к собственному и общему недоумению, поправляюсь: одышка легче, двигаюсь, хотя плохо, но как-то лучше, чем зимой.

Выход? – чем скорее выгонят немцев, тем больше шансов у нас выжить. Резэвакуации писателей, говорят, до сентября не будет. До тех пор будем тянуть, если будут хоть редкие полочки, если нет – вымерем. Авось до этого не дойдет, обидно не увидеть своими глазами расцвета и подъема страны и, особенно, Москвы после войны. Сейчас доходят слухи, что Москва чистится, ремонтируется, принимает обычный довоенный вид, и так радостно это, и так жалко не видеть своими глазами. Вам, оставшимся, трудно было, но не труднее, чем нам, уехавшим. Вы не были так выбиты из колеи, не пережили такой ломки жизни, как мы, и возврат к норме для вас наступит раньше, а до нас еще когда докатится.

³³ Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1943) – поэт, переводчик, филолог. Его жена Усова Алиса Гуговна (урожд. Левенталь, 1894–1951). См. о них: Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». Сост. и подгот. Т.Ф. Нешумовой. Т. 1 и 2. М., 2011 (по ук.).

³⁴ Пьеса, написанная Кочетковым совместно с К. Липскеровым, «Надежда Дурова».

Для меня жизнь здесь – большая школа отречения от себя, от своей личности – довольно-таки определенно выраженной, школа терпения и молчания. Поздновато учиться в 65 лет – но очевидно требуется.

Как вы четверо живете? Жизнь твою и Лены представляю, Машину труднее: не пришлось ли ей работать на труд-фронте? Здесь потребовали Инну Григ. на сельскохозяйственную работу в колхозе, как раз когда она лежала, – оказалось ошибкой: ей 50 лет, не подлежит по возрасту, но пока это выяснялось, день был тревожный. Вообще, как и следовало ожидать, порядку и толку тут меньше, чем в центре, а перегибов и усердия не по разуму больше.

Елена Ивановна Деева здесь, живет рядом, суетлива и болтлива по-прежнему, временами мила и забавна, и трогательна. Катя Юрченко тоже в нашем дворе, но она производит очень гадкое впечатление. Устроена хорошо (столовая, академический паек и почти никакой работы, целые дни гуляет), пополнела, хорошо одета, занята романом с одним сотрудником (женатым и с младенцем), очень черства и бездушна, я ее такой в Москве не знала. Все-таки нам она кое-чем обязана, не говоря уже о широком гостеприимстве и в Москве, и в Старках, и в Орджоникидзе прежнем – все забылось, теперь она только дрожит над своим пайком, оберегая его от посягательства! Дико, непонятно, но так. Знает, что Инна Гр. больна и голодает, потому что ей нельзя черного хлеба и обеда из столовой, слышит от меня об этом, ест в *это время* (за чаем) белый хлеб с маком – и не посылает ей хотя бы ломтика! А она не стеснена, хлеб имеет, кроме пайка, еще коммерческий. Фразы вроде: «вот надо опять идти в ларек, а я так устала, но у нас дают коврижку, я же не могу без коврижки» – это она говорит голодным. У меня такое отвращение к ней, как редко к кому. Но или я ее не знала, или она изменилась. Знаешь, это время – пробный камень для всех. Люди показывают свою истинную сущность, наносная полировка стирается в трении событий. Мне тяжело, но очень хочется не поддаваться, преодолеть, выйти из испытания с честью, дожить до времени жатвы и богатого урожая, иметь в нем заслуженную долю.

Напиши, дорогая, о себе, о своих. Очень хочется вестей о вас. Знаю, что не пишешь и от загруженности, и от забот, и от слабости – как только ты выдержала с твоим сердцем эту зиму?! Когда увидимся – если увидимся, – будет хорошая встреча. Целую тебя, дорогая, и всех по очереди. Хоть бы Лена написала. Курит ли она? Я вечно мучаюсь без табаку, без кофе обойдусь, но без курева трудно. Иногда присылает Ахматова немного табаку, курю с двойным удовольствием. Еще целую, жду – месяца через 2 – письма от тебя. Вера.

10.VI. Залежалось письмо из-за отсутствия конвертов. За это время установилась 60° жара. Я ее выношу полумертвой. Говорят, тут так до конца августа. Мне не вынести. Я вся – сплошная болячка: постоянная боль в ребре под ложечкой и временами при кашле и повороте – резкая боль в крестце. Думаю, что все дело в закупорке вен, которые набухли везде сильно очень. Странно, Геничка, неужели не увидимся мы больше с тобой?

Письмо Меркурьевой к Ивану Николаевичу³⁵

Ташкент
Учительская, д. 26, кв. 1
18. VIII. 42

Уважаемый Иван Николаевич, –

Минуя «общих знакомых», посылаю свою пьесу³⁶ Вам прямо так, чтобы между нею и театром не было никого третьего. Поэтому же не сообщаю ничего об авторе, кроме

³⁵ Предположительно, к Ивану Николаевичу Берсеневу (1889–1951), актеру и режиссеру московского театра Ленинского комсомола, эвакуированного в Ташкент.

³⁶ «Двенадцать месяцев» – сказка для сцены, не опубликована.

имени – неизвестного. Написана пьеса в 40-м году, показана 2-3-м близким, в печать и в театры *не* направлялась, по субъективным причинам.

Сказка – влитая в жизнь, о детях – не для детей, о взрослых – пожалуй, не для современников, простая, ограниченная и внутренне сложная и раздвигаемая за края своей рамки. Так задумана. Как вышла, не знаю. Даю ее Вам для проверки – скорее, чем для постановки. Хотела бы знать Ваше мнение о сценичности, актуальности и долговечности.

О стихе: в сказке – звучание каноническое, напевное, выдерживание точного размера, но сцены бытовые – финал многолетней работы над ритмической речью, попытка заставить ее звучать разговорно. Отсюда при чтении, сохраняющем ритм, выделяется рифма не паузой после строчных, а интонацией, особенно, когда смысловое ударение допускает это.

Вот, кажется, все авторские ремарки на полях. Разрешите позвонить Вам через несколько дней и договориться о возможности ответа.

Уважающая Вас
Вера Меркурьева³⁷.

12³⁸.

5. X. 42 г.
Ташкент

Геничка, получила твое письмо от 30-го сентября, но не могла его перечитать 2-й раз – так оно меня надорвало. Ты не знаешь, как я проголодалась по ласке, по простым нашим ласковым словечкам, по памяти о наших днях. Я высохла здесь за этот год. И твое письмо ко мне прежней – показало мне, какой я стала.

Возьмите меня отсюда, возьмите меня отсюда, сделайте не знаю что, но дольше жить я не могу. Я должна выжить себя, если не уеду. Только чудо спасет меня, пусть будет чудо. Я погибаю, Геня моя, и от физических мук, и от нравственных! Кому я была когда-нибудь как-нибудь дорога, помогите. Вера.

Вера Меркурьева, неопубликованные стихи

Что за странная манера
И какой ужасный нрав:
Все приличия поправ, –
Что за странная манера –
Гнать из дому кавалера,
Вдруг лишив привычных прав.
Что за странная манера
И какой ужасный нрав!

1922

³⁷ На обороте письма, написанного чернилами, карандашом запись: «За 18 месяцев...».

³⁸ Почтовая карточка. Москва. 3-я Звенигородская, д.3, корпус 18, кв. 88. Евгении Яковлевне Робинович Ташкент. Учительская, д. 26, кв. 1. Штемпель отправления: 6.11.42. Штемпель получения: 21.11.42. Штемпель: «Просмотрено военной цензурой / Ташкент / 126». Текст на обороте местами расплылся.

Целу зиму жила в бочке,
Одинокая была.
Никому-то не мила,
Целу зиму жила в бочке,
А теперь – на желобочке,
Разомлела от тепла!
Целу зиму жила в бочке
Одинокая была...

1923

Если в доме вышел хлеб,
Пожалуйста, сбегайте, Глеб³⁹.

Если в доме нет воды,
Глебушка, кофию дам за труды.

Но для «Гретца» необходим керосин,
Глеб, до Марьинской шаг один.

Натяжеле ль налегке ль,
Мечется Глеб с Гумилевым в руке.

С Гумилевым в душе, с Гумилевым в мозгу
Сквозь снег, дождь, слякоть, згу.

А Слободской⁴⁰, кофе смолов,
Забыв и совесть, и честь, и стыд,

Самодоволен, как сто ишаков,
Над самой большой чашкой сидит.

Глеб озадачен, Глеб раздражен,
Гумилева в карман, керосин на стол.

Глаза разгорелись, готов на рожон,
Под Глебом вздрагивает пол.

³⁹ Неустановленное лицо, участник дружеского кружка Меркурьевой во Владикавказе (упомянута одна из улиц этого города – Марьинская, ныне Маркуса).

⁴⁰ *Слободской Михаил Иванович* (1895 – не ранее 1934) — поэт, журналист, переводчик с языков народов Северного Кавказа. Подробнее о нем см.: Архиппов (по ук.) и упомянутая выше публикация «Умейте жить минуткой».

Хозяйка, отдайте ее ему,
Большую, а маленькую для меня.

И ликвидируйте кутерьму,
Хоть ради сего бисквитного дня.

<1926?>

Соседи

Где в кружок собрались березки,
На бегу ль приостановясь, –
Где чернят их беленую бязь
С угольков зари ополоски, –

Мы в кружок сошлись по привычке,
Прежде чем на ночь разойтись.
Как стрижи, разрезающие высь,
Голоса < >⁴¹ в перекличке.

– Спать глазам уже не пора ли?
(– Ты такой же, такая же, как я. –
Помни: сад, и ночь, и скамья –)
– Еще рано. Вы не устали? –

– Мы соседи, мы тоже рядом –
– Что тебе, что вам до меня? –
Исцеляющая ожоги дня
Тьма сгустилась над дачным садом,

И глаза, и травы замглив в нем.
Тянет водорослями от реки.
Обгорев, зари угольки
Осыпаются звездным ливнем.

4. IX

Ко святым местам
Чтительный ходил паломник.
Что ж обрел он там?
Хлам заброшенный? И лом в них?

Причитают и рекут
По чуланчикам учуйнички⁴²:
Где же настоящий нам приют?

⁴¹ Оставлено место для слова.

⁴² Неологизм, соединивший «чуять» и «ушкунников».

Пяль и в даль и в свои очки –

«Дом поэта» стал Поэтодом⁴³,
А Кассандра⁴⁴ хрустит джаз-бандитом.
Хоть парчой их кроет Едавид там –
Все ж дорожные расходы взять судом.

Посылка

Если у Вас тик-с
От джаз-банда ритма стиховздорного,
Рады мы: в сундук бесспорно вы –
Вложите Кап-койский⁴⁵ Фернапикс⁴⁶.

Разойтись бы по углам,
Чтоб не мокнуть под дождем –
Где там! Зайцам и котам
Непогода нипочем.

Чуть хозяйка спать легла,
Увернулася – увы! –
Пума мчится из села,
Заяц едет из Москвы.

Жадные – что есть, давай!
Мокрые – хоть отожми.
Значит – бедная вставай
И суши их да корми.

И она, свершивши тур
Восемнадцатый уже,
Заплуталась меж фигур
В затененном блиндаже

И несет под зонтиком
На десерт – вниманья знак –
Зайцу кашку с молоком,
Пуме спички и табак.

29. VIII⁴⁷

⁴³ Дом Волошина в Коктебеле.

⁴⁴ Поэтическое прозвище Меркурьевой.

⁴⁵ Кап-Кой – старое осетинское название Владикавказа.

⁴⁶ Разновидность коктебельских камушков. Встречаются разные варианты написания слова. Есть фразеологизм: расправиться, задать фернапиксу, задать шороху. Это стихотворение Меркурьевой, возможно, связано с обращенным к ней стихотворением М. Слободского «Почти баллада» (Архиппов. Т. 2. С. 300).

⁴⁷ Год не проставлен, это может быть вторая половина 1930-х, и даже предвоенный 40-й, когда Кочетковы и Меркурьевы жили в Старках. Зайцы – чета Кочетковых (поэт А.С. Кочетков (Заяц) и его жена И.Г.

Натюрморт

Полухорие I Было трое – пятеро осталось.
Полухорие II Нас побольше – mille e tre⁴⁸.
Полухорие I Распожает нас сердца жалость.
Полухорие II Размножает нас бес в ребре.
Полухорие I Разношерстны и разномастны,
Недопьем мы, недоедим.
Полухорие II Разнолики и разнострастны,
Все – увы! надоедим.

Хор Но жребий их – примечай-ка –
Вечно с чьим-то побегом свит.

Полухорие I То бежит за нами хозяйка.
Полухорие II То хозяин от нас бежит.

Хор Беспокойствие, друг, умалишь
Ты снаружи, как и внутри,
Коль красавиц будет – одна лишь,
А кошавиц – тысяча и три.

Возвращение Сасунци⁴⁹

Эпизод, не включенный в сводный текст поэмы

Ликованье на погосте –
К нам Сасунци едет в гости.
Будем загодя встречать,
Вежливенько вопрошать:
– Как те на море гляделось,
Как спалось, пилось и елось,
И какие чудеса попадались на глаза? –
Молвит Сасунци спесиво:
– Эко выдумали диво!
Коктебель как Коктебель –
Меж земли и моря щель,
Ничего нет в этой дальке
Окромя волны да гальки.
Карадаг как Карадаг –
Не взойти ни так, ни сяк.
Впрочем тут живем – не спорим,
Море – морем, горе – горем. –

Прозрителева), а Пума – сама Вера Меркурьева. Кашка с молоком утешала желудок Кочеткова после возлияний, а о том, какая страстная курильщица была Вера Меркурьева мы знаем и из стихотворения Д.С. Усова: «Если б не курево, / Видеться чаще / С Верой Меркурьевой / Было бы слаще».

⁴⁸ Тысяча и три (ит.).

⁴⁹ Это шутовское стихотворение связано с участием Кочеткова в коллективном труде по переводу армянского эпоса «Давид Сасунский» (совместно с В. Державиным, К. Липскеровым, С. Шервинским), вышедшим в 1939 году. См. письмо Меркурьевой к Архиппову от 4 января 1939 года: Архиппов. Т. 2. С. 558. В архиве есть два автографа стихотворения, различающиеся только написание слова «Сасунци»: в одном оставлено это несклоняемое армянское слово, в другом оно заменено на «Сасунца» и склоняется.

Станем спрашивать его,
Не привез ли нам чего,
Мол, не примем без гостинца
Киммерийского бесчинца,
Пустышом из дальних стран
Чать вернется бусурман!
Фыркнет, гордо расфуфырясь:
– Есть вам мака, есть вам ирис,
Есть коврижка, есть и торт,
Есть и папиросы Спорт.
Есть платочки для старушек,
Для детишек – воз игрушек,
Для приятелей-мужчин
Есть бочонки фряжских вин,
А для преданной супруги –
Награждение по заслуге –
Есть, подруженькам на зло,
Венецкое стекло. –

Спросит Сасунци: – А вы то?
Без меня вы жили сыто,
Чем вы бьете мне челом? –
Мы ж руками разведем:
– Принесла тебе жена-то
Не ребят-ат, а котят-ат,
Кот Трезор и кот Брыкан,
Ай, поруха, ай, изъян! –
Дальше что? Известно – бочка
Для котят с Инетой. Точка.
По Москве-реке плывут,
Ждут, авось их поберут,
Выловят на теплоходе
При честном при всем народе.
А Сасунци чемодан
Хвать и – тягу в Ереван.

Не включенный в бригаду переводчик-аноним

Старки
31. VIII. 39

<Слезой изойдя>⁵⁰

За 18 месяцев лютейшей
из лютых войн, свирепее стократ
звериных – в них лишь когти, зубы, в ней же
мертвит живое мертвенный снаряд,

⁵⁰ Весь автограф – чернилами, а первые два слова – карандашом со сдвигом вправо, поэтому нет полной уверенности, что они оставлены как часть (или название) этого текста.

покорный слепо смертоносной воле,
жестокости, какой не знал и брат –
убийца первый, Каин. Сыто поле

костями, море – кровью, небо мглой
пожара, сердце горестью о доле
погибших или потерявших в той

проклятой яме стержень жизни – кровью
и плотью слитых с ним в одно душой
и телом, что неловко так любовью

зовут. Но над могилой немота
одна смиренная пристойна изголовью
земли сырой, а эта повесть занята

другим.

<декабрь 1942>